

О ДИАЛЕКТИКЕ АБСТРАКТНОГО И КОНКРЕТНОГО В ТРУДЕ

Ихлов Б. Л.¹

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация

Показано, что наемный характер труда обуславливается доминированием абстрактного содержания в труде. Показано, что абстрактность труда в сфере обмена обусловлена абстрактным содержанием труда в сфере производства.

Ключевые слова: стоимость, рабочая сила, распределение

Противопоставление рынка и плана фиктивно, поскольку план есть продукт централизации капитала и концентрации труда. В то же время представление об отсутствии рынка в СССР неверно.

Данное противопоставление есть лишь идеологема для манипуляции массовым сознанием с целью смягчить протекционизм и облегчить доступ на внутренние рынки.

Во многом непонимание темы связано с теми ошибками и недоговоренностями, которые существуют в основополагающих работах классиков марксизма.

Противоречие товарного производства

В 1-м томе «Капитала» Маркс определяет потребительную и меновую стоимости:

«Полезность вещи делает её потребительной стоимостью... например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п. ... Потребительные стоимости... являются... вещественными носителями меновой стоимости. Меновая стоимость прежде всего представляется в виде... пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода... Известный товар, например один квартал пшеницы, обменивается на x сапожной ваксы, или на y шёлка, или на z золота и т. д., одним словом - на другие товары в самых различных пропорциях. Следовательно... различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое... меновая стоимость, должна быть сводима к этому третьему... меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей».

Как же Маркс определяет абстрактный и конкретный труд, а также стоимость?

«Как потребительные стоимости товары различаются... качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости. Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они - продукты труда. Но теперь и самый продукт труда... это уже не продукт труда столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определённого производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нём видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются..., а сводятся к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду... от продуктов труда... ничего не осталось, кроме... сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты... В самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей... то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость».

Итак, стоимость – то, что произведено безличным трудом, трудом вообще, абстрактным трудом: затратой физиологической энергии человека в определённой общественной форме, усредненной

Труд, овеществленный в товаре, создает стоимость и потребительную стоимость. Поэтому всякий товар обладает двумя свойствами: потребительной стоимостью и стоимостью. Потребительная стоимость товара выступает носителем его второго свойства - стоимости.

С другой стороны, Маркс понимает абстрактность труда лишь в плане меновой стоимости, в плане обмена, рынка.

«Как же измерять величину... стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда... Количество самого труда измеряется... рабочим временем... могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее или неискуснее производящий его человек, т.к. тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть **одинаковый** человеческий труд... Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила... раз она обладает характером общественной средней рабочей силы..., следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое **в среднем или общественно необходимое** рабочее время... которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда».

Таким образом, стоимость возникает еще и при абстрагировании от индивидуальности рабочего. Оговоримся здесь, что усредняет рынок, но условия рынку диктует монополия, устанавливая цену рабочей силы минимальной, а цену продукта труда – до предела покупательской способности. И это тоже усреднение.

Именно потому, что Маркс поставил обмен во главу угла, в третьем томе «Капитала» он не говорит о необходимости преобразования общественно необходимого труда, а всего лишь о его сведении при коммунизме к исчезающе малому времени.

Ошибок же в 1-м томе «Капитала» достаточно. Например:

«... вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на неё труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости». Это верно лишь отчасти. Общественный труд – не только пространственное, но и временное измерение. Если не платить физикам за **пока** бесполезный труд вчера – трупы не смогут производить труд полезный сегодня. Но капиталист платит физику и за будущую полезность, даже если он сегодня не трудится с немедленной пользой. Эффект Мёссбаура считался чисто академическим, сегодня его применяют даже в сельском хозяйстве. Но масса изобретений или научных работ не находит потребителя, и эта масса должна быть оплачена.

Или: «Часть хлеба, произведённого средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть - в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведён для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена».

И это верно лишь отчасти, поскольку тот же оброк был втянут в товарооборот.

Еще: «Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ...»

Маркс повторяет Ф. Бэкона: «В действии, - пишет Ф. Бэкон, - человек не может ничего другого, как только соединять и разделять тела природы. Остальное природа совершает внутри себя». Это, конечно, ошибочно, соответственно уровню времени Бэкона-Маркса. Но даже в то время можно было понять, что если не соединять и не разделять, а хотя бы приводить во вращение, тоже можно получить новое.

Еще: «... на каждой фабрике труд систематически разделён, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты **самостоятельных, друг от друга не зависящих** частных работ противостоят один другому как товары».

Казалось бы, действительно: на заводе, производящем грузовики, рули на кузова не обмениваются. Но стоимость и рулей, и кузовов оценивается часами рабочего времени. С другой стороны, под фабрикой можно понимать и монополию, и государственно-монополистический конгломерат, и всю планету в целом. Именно потому на такой фабрике, как СССР, существовали рыночные отношения, хотя и в скрытом виде.

В работе «К критике политической экономии»: «... абстракция, которая в общественном процессе совершается ежедневно... не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух». Разумеется, не в воздух, а в минералы, в воду и т.д.

Однако выделим главное. «Сравнительно сложный труд, - пишет Маркс, - означает только возведённый в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к

простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определённое количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленным обычаем».

То есть, синтез нескольких «трудов» есть простое сложение. С такой же меркой предлагается подходить к труду инженера, химика или учителя. Разумеется, Маркс понимает коренное различие между умственным и физическим трудом, но здесь – характерная ошибка, которая свидетельствует об игнорировании в данном вопросе *содержания* труда.

Теперь расставим точки над *i*, что для Маркса является трудом абстрактным и конкретным:

«Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, — и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своём качестве конкретного полезного труда он создаёт потребительные стоимости».

То есть: труд конкретный - это труд, затрачиваемый в определенной полезной форме и создающий потребительную стоимость товара. Такой труд является частным трудом, а его общественный характер выражается через абстрактный труд. Труд абстрактный - затрата рабочей силы вообще, производительная деятельность человеческого мозга, мускульной и нервной систем. Труд абстрактный создает стоимость товара. Абстрактный труд лишён конкретной определённости и потому всеобщ и однороден для всех видов труда. Он представляет собой общественное явление.

Доход капиталиста и, соответственно, оплату труда рабочего, независимо от его усилий, определяет рынок. За свою рабочую силу рабочий получает по стоимости рабочей силы. По разряду, по МРОТ, по тарифу. По отчужденному среднему, по общественному отношению, не по потребительной стоимости, не по живому труду. Труд конкретен потому, что производится конкретным человеком. Абстрактный характер труда определяется сферой обмена, которая отчуждает от рабочего продукт труда и творит усреднение.

Потому, и только потому такой политэконом, как английский профессор Хиллел Тиктин (а за ним профессор МГУ Алексей Гусев), утверждает, что в СССР не было абстрактного труда. Ибо в СССР не было рынка. Отчуждение продукта труда, разумеется, было. Но того отчуждения, о котором пишет Маркс, которое происходит при **независимых, частных производителях** – не было. Если не было абстрактного труда, то не было и двойственности, не было и противоречия между ним и трудом конкретным.

Но, во-первых, в СССР существовал не только колхозный рынок, но и конкуренция между ведущими отраслями, в т.ч. в производстве средств производства для производства средств производства. Во-вторых, рыночный обмен в СССР существовал опосредованно. Усреднение в СССР существовало в точно такой же форме, как в любой капиталистической стране: с помощью системы разрядов, МРОТ, тарифов. Но, во-вторых, дело в другом: Маркс исследует только одну сторону экономики: именно сферу обмена, капитал. Потому Ленин и утверждал, что не написаны еще учебники по производству.

Официальная «советская» политэкономия утверждает, что именно в этой своей общественной функции, связи через рынок, затраты физиологической энергии человека являются специфически исторической формой общественного труда - абстрактным трудом как источником стоимости. Т.е. абстрактность выражается лишь через рынок, сферу обмена. Т.е. при коммунизме абстрактного труда якобы не будет.

Если потребительная стоимость - вещественное свойство товара, то стоимость - его общественное свойство, выражающее общественный характер труда товаропроизводителей. Их труд в условиях господства частной собственности является частным делом, они ведут хозяйство обособленно друг от друга. Многообразные производственные отношения, разделение труда и т.п., делают труд товаропроизводителей общественным, взаимная зависимость их скрыта и реализуется лишь через обмен на рынке. Основу этого обмена составляет овеществлённый в товаре общественный труд - стоимость.

Формой проявления стоимости на рынке является меновая стоимость, пропорция, в которой различные товары обмениваются друг на друга. Двойственная природа товара определяется двойственным характером труда товаропроизводителей. Потребительная стоимость товара - результат конкретного

труда, то есть определённого полезного труда, создающего вещь, удовлетворяющую ту или иную потребность человека. Каждому виду конкретного труда присущи типичные только для него цель, характер трудовых операций и орудий труда. Особенности данного вида конкретного труда и определяют специфическую потребительскую стоимость его продукта.

Труд создаёт стоимость товара, но сам стоимости не имеет. Стоимость имеет рабочая сила. В условиях господства частной собственности на средства производства двойственный характер труда отражает противоречие между общественным и одновременно частным характером труда товаропроизводителей. Конкретный труд в смысле конкретности производителя выступает как частный, абстрактный, который выражает скрыто-общественный характер труда. Общественный характер труда требует, чтобы товаропроизводитель поставлял на рынок общественно необходимый продукт. Но частный характер труда делает возможным лишь косвенную, рыночную форму выявления спроса.

Противоречие труда обнаруживается на рынке как противоречие между потребительской стоимостью и стоимостью товара. Товаропроизводитель изготавливает товар, чтобы продать его. Это превращение вещной формы в денежную существенно противоречиво. Частный товаропроизводитель не знает или не хочет знать, какие именно потребительские стоимости и в каком количестве нужны потребителю, чтобы получить денежный эквивалент стоимости произведенного товара, он может его фальсифицировать. Интерес продавца становится противоположным интересу потребителя уже не в смысле величины денежного вознаграждения, но в смысле качества товара. Больше того, производитель с помощью рекламы и других средств пытается сам сформировать спрос на тот товар, который потребителю не нужен. Даже если будут проведены социологические опросы, если будут рассчитаны дифференциальные уравнения, описывающие колебания спроса-предложения, картина не изменится, способность производителя планировать наталкивается на конкретную реализацию плана. Ограниченный характер потребительской стоимости мешает товару превратиться в деньги.

Это порождает трудности реализации, конкурентную борьбу товаропроизводителей, в ходе которой происходит их имущественная дифференциация: мелкие товаропроизводители разоряются, а немногие, обладающие большим капиталом - обогащаются.

Противоречие между частным и общественным трудом проявляется в противоречии между конкретным и абстрактным трудом. Товар заключает в себе антагонистическое противоречие между потребительской стоимостью и стоимостью. Утверждается, что это противоречие в зародыше представляет собой основное противоречие простого товарного хозяйства и является исходным моментом всех противоречий частного товарного производства.

Абстрактность в содержании труда

Но борьба этих противоположностей – еще не всё в противоречии, другой его момент - единство противоположностей, потребительской стоимости и стоимости, то есть – абстрактного и конкретного труда. Стоимость и потребительская стоимость не просто противостоят друг другу, они взаимопроницают, взаимно зависимы. Если рабочий путем обучения увеличивает потребительскую стоимость своей рабочей силы, должна повыситься и меновая форма ее стоимости – хотя стоимость производимого товара может понижаться. Если же администратор предприятия срезает расценки (или это делает за него рынок), рабочие ломают новое оборудование, низводя свой труд до прежнего. Такую взаимосвязь, которая есть закон стоимости в отношении товара «рабочая сила», показывает масса примеров из истории промышленности в СССР. С другой стороны, сфера обмена не есть основание, обмен вторичен, он определяется сферой производства.

Можно выделить в сфере производства характер труда – наемный, но этот характер вторичен, он продуцируется общественным разделением труда.

Таким образом, конкретный труд не существует без абстрактного труда.

Рассмотрим, как, откуда, почему *возникает* в сфере обмена абстрактность труда как лишенный различий однородный «простой», «теоретический» труд. Хотя, как указывал Маркс, это вполне реальная абстрактность («К критике политической экономии»).

С другой стороны, как отмечает Ильенков, для различных неокантианских школ абстрактное – лишь форма мысли, в то время как конкретное – лишь форма чувственно-наглядного образа. Т.е. для неокантианской школы конкретный труд – это труд конкретного, данного по имени-фамилии, наглядно-чувственного рабочего.

Конкретность может быть абстрактной, например, конкретный треугольник или абстрактная живопись. ««Конкретность» не есть ни синоним, ни привилегия чувственно-образной формы отражения действительности, - пишет Ильенков, - точно так же как «абстрактность» не есть специфическая характеристика рационально-чувственного познания» [1]. В принципе понятие конкретного труда есть явно абстрагирование от труда данного рабочего.

Будем рассматривать труд конкретный в том смысле, который вслед за Паскалем вкладывал Маркс в понятие конкретного как «единство многообразия».

Если абстрактность труда, возникающая в процессе обмена, генерируется в процессе производства - упрощением труда, дроблением на его единичные операции (будем рассматривать развитую форму абстрактного), то конкретность формируется обратным процессом – усложнением труда. Для понимания приведем полярные ситуации: производимая гайка, одна из тысячи одинаковых, абстрактна, следовательно, труд рабочего, ее производящего – абстрактен. Маркс, вслед за Адамом Смитом, пишет о монотонном, отупляющем, *обезличивающем* труде. По этой гайке невозможно судить, какой рабочий ее произвел. В противоположность этому по стилю работы можно установить авторство научной статьи, тем более стихотворения, музыкального произведения или картины, как это точно отметил А. Фетисов в своей «Хомосапиенсологии». Трудно оценивать на рынке стихи или музыку, они уникальны. Их производство не измеряется часами рабочего времени. Скажем, Александр Иванов писал «Явление Христа народу» 20 лет, а Репин создал «Портрет Веревкиной», лежа больным в постели, за полчаса. Причем ценность этих картин изменялась кратно. Гайку же моментально оценивает рынок, она не уникальна, она сравнима - по часам рабочего времени.

Труд рабочего более абстрактный, от его ошибки будут выбракована только пара-тройка из тысячи почти одинаковых гаек. Труд инженера более конкретен, более общественно значим: от его ошибки может остановиться цех.

Таким образом, абстрактность является атрибутом не только характера труда, но и его содержания, т.е. понятия, которое выражает распределение функций (исполнительских, регистрации и контроля, наблюдения, наладки и др.) на рабочем месте и определяется совокупностью выполняемых операций, отражает производственно-техническую сторону труда, показывает уровень развития производительных сил, технических способов соединения личного и вещественного элементов производства, т.е. раскрывает труд прежде всего как процесс взаимодействия человека с природой, средствами труда в процессе трудовой деятельности и т.д. **Абстрактный характер труда обусловлен его абстрактным содержанием** [2].

Абстрактное содержание труда отнюдь не исчезнет при исчезновении товарного производства, рыночного обмена, т.е. при коммунизме. Скажем, такое перетекание конкретного труда в абстрактный, как замена творчества при решении дифференциальных уравнений монотонным компьютерным программированием в аналитических функциях никакого отношения к классовому антагонизму не имеет. Точно так же, скажем, литье металла на заре человечества было творческим трудом, с доминированием не абстрактного, а конкретного содержания. И наоборот: труд квалифицированного рабочего перерастает в своего рода искусство, в «золотые руки».

Не исчезал, таким образом, абстрактный труд и в СССР.

Тема конкретного труда была развита в работах Ильенкова, Батищева, Библера.

Маркс вводит понятие всеобщего труда: «... Следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим называется всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов. ... В духовном производстве в качестве производительного выступает другой вид труда... » [3]. Здесь Маркс использует не сущностное и даже не функциональное, а атрибутивное определение. То есть, оставляет формулировку определения на будущее, когда данный вид труда выступит на уровне особенного. Библиер отмечает, что Маркс не рассматривает специально этот труд [4]. Хотя очевидно, что этот труд не может не присутствовать в любом виде труда, самом абстрактном. На то он и труд, что не просто общественный, но личностный, через осознание, тем и отличается, как указывает сам Маркс, от действий пчелы.

К сожалению, дальнейшее исследование продолжилось в либеральном направлении и привело к использованию разнообразных терминов типа творческого, репродуктивного и т.д. труда не как характеристик, а как политэкономических понятий, причем вне пары категорий «абстрактное – конкретное». Либерализм заключается в том, что, напр., Библер полагает, что при капитализме в силу господства абстрактного труда «всеобщий труд... сосредоточивается в исключительно в духовном производстве» [там же]. Отсюда немедленно следует, что рабочий класс самостоятельно не может вырваться за рамки экономической борьбы. Ему нужен поводырь, занятый всеобщим трудом, как это и формулировали Бернштейн, Каутский, Бебель.

Библер не принимает во внимание, что господство капитала, заключавшееся в устройении абстрактного содержания в труде, заканчивается. Если ранее дробление труда приводило и к снижению издержек на обучение, и к повышению производительности труда, то сегодня это дробление тормозит развитие производительных сил (что особенно хорошо видно в случае конвейера, забастовок против конвейерной системы в конце 60-х и возникновению неконвейерных систем с большей производительностью труда, скажем, в Японии системы канбан и др.).

Библер не видит процесс роста конкретного содержания в труде рабочего, не понимает, что капитализму по мере развития техники всё более становится нужен рабочий с высшим образованием.

Библер, подобно Фридриху Шлегелю, Андрею Белому или Ортеге-и-Гассету в демиургии истории выставляет человека искусства, человека творческого, «компетентного». Логическим завершением этой подмены является такая подмена в отношении «класс – партия», когда первичной объявляется партия, а класс – вторичным, послушным орудием в руках разумного партийного существа [5, 6]. В. В. Орлов приводит точку зрения В. М. Межуева, совпадающую с либерализмом Библиера - Глинчиковой, что абстрактный труд «сам по себе не может порождать новые идеи, питающие собой научный, технический и культурный прогресс общества»[4]. В. В. Орлов возражает, что «в отнесении с конкретным трудом абстрактный труд выступает в качестве мощной революционизирующей силы» [7]. Тем не менее, у Орлова абстрактность труда тоже не покидает пределы сферы обмена, а в паре «класс-партия», говоря о том, что абстрактный труд на что-то способен *лишь* в сочетании с трудом конкретным, имплицитно первичной он ставит партию.

Ленин в «Что делать» следует линии Бернштейна-Каутского. Однако массой своих статей («Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Наказ от ЦО местным советским учреждениям», «Государство и революция», «Апрельские тезисы» и др.), требованием учиться у рабочих, особенно же повторением марксовой формулы «социализма как живого творчества масс» резко возражает этой линии.

Завершается дискурс тем, что, скажем, Глинчикова, казалось бы, вполне в духе диалектика Маркса, увидевшего разрешение противоречия старой политэкономии в возникновении нового типа товара – рабочей силы, вводит новый тип рабочей силы – творческую рабочую силу. И определяет ее как такую рабочую силу, «процесс производства и процесс воспроизводства которой совпадают» [8].

Казалось бы, очевидно – растущая в обществе потребность в труде, разумеется, не во всяком, как искаженно поняли Маркса идеологи КПСС, говоря о «потребности» в труде, означает, что труд становится «предметом потребления», входит в потребительскую корзину, служит восстановлению жизненных сил, развивает мышление, духовность и т.д. Однако Глинчикова полагает, что именно эта творческая рабочая сила появилась в обществе сама собой, и на этом развитие завершено.

На деле определение Глинчиковой неверно. Творческая рабочая сила нуждается в еде и продается на рынке. По Глинчиковой рабочему классу уготована одна судьба – отмереть. Глинчикова не понимает, что новая рабочая сила, перед тем, как сбросить товарную форму, должна вызреть в обществе из старой, а не освободить себя за спиной всего общества, как обособленное дворянство.

Но если абстрактный труд столь хорош, что никуда не денется, чем же отличается один общественный строй от другого? При коммунизме в труде индивида **доминирующим** является его конкретное содержание, при капитализме – абстрактное. Т.е. коммунизм – это отсутствие не только буржуазии, но и рабочего класса, т.е. класса, в труде которого доминирует абстрактное содержание. В. В. Орлов, не отклоняясь от марксова смысла абстрактного труда, тем не менее, восклицает: «В СССР 50% грубого ручного труда, какой, к черту, социализм».

Причем доминирование вовсе не означает временное преобладание. Скажем, в труде физика или пианиста абстрактный труд доминирует по времени. Но его конкретное содержание является определяющим, подчиняющим.

Итак, Маркс не принимает во внимание, что продукты труда как потребительные стоимости различаются качественно, образуя два класса.

Маркс в 1-м томе «Капитала» отмечает: «Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда её полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром.

Аналогично стихи, научные статьи, дворцы, малахитовые шкатулки, индивидуальные автомобили, экспериментальные технические образцы, архитектурные или космические проекты, секретные военные разработки и т.д. произведены трудом, но не могут быть сравнимы на рынке в виду их уникальности, следовательно, не имеют меновой стоимости. И, подобно тому, как природные ресурсы или предметы роскоши, будучи втянуты в господствующие товарно-денежные отношения, становятся товаром, уникальные продукты труда, полотна живописи, фильмы, книги, классические концерты и пр., приобретают меновую стоимость.

Совершенно очевидно, что деление товаров на два класса соответствует делению труда на умственный и физический, то есть, делению общества на классы занятых умственным трудом и физическим трудом.

Маркс же писал «Капитал» в то время, когда численность класса инженеров, ученых, деятелей искусства – был еще крайне малочислен.

Нет разделения наемных работников на пролетариев умственного труда и рабочих, пролетариев физического труда, в «Манифесте коммунистической партии»: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой *действительно революционный класс*. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть её собственный продукт» [9].

Хотя именно рабочие противостоят капиталу, тогда как труд творческий - значительно более свободный, значительно менее обезличивающий. Представителям творческих профессий незачем ликвидировать старое общественное разделение труда, с другой стороны, класс этих представителей не придет в упадок и не будет уничтожен.

С другой стороны, несмотря на втянутость в отношения частной собственности, различие между двумя типами товаров радикально: стоимость продукта рабочего оценивается в часах рабочего времени, стоимость продукта творческого труда часами рабочего времени измерена быть не может.

«На высшей фазе коммунистического общества, - пишет Маркс, - после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни [10].

Однако у Маркса ликвидация противоречия между умственным и физическим трудом не связывается с формой обмена продуктов труда, с другой стороны, Маркс относит ее лишь к стадии коммунизма.

Из того представления, что стоимость порождается абстрактным трудом, который возникает лишь в процессе рыночного обмена, следует, что если ликвидировать рынок и деньги, исчезнет и абстрактный труд, а с ним и стоимость. Что и было сделано большевиками.

В 1918 году, в период военного коммунизма, когда деньги (керенки) обесценились, Ленин пишет о натуральном товарообмене. В 1919 году Ленин утверждает: «Одной национализации банков для борьбы с этим пережитком буржуазного грабежа недостаточно. РКП будет стремиться к возможно более быстрому уничтожению денег... в первую голову замену их сберегательными книжками, чеками, краткосрочными билетами на право получения общественных продуктов и т.д., установления обязательного держания денег в банках и т.п.» [11]. То есть, нет призыва к немедленной отмене денег, этот процесс должен быть постепенным – но обязательным. В 1920 году Бухарин в книге «Экономика переходного периода» писал: «В переходный период в процессе уничтожения товарной системы как таковой происходит процесс "самоотрицания" денег. Он выражается в так называемом "обесценении" денег». [12] Декрет от 15.7.1920 запрещал расчеты наличными деньгами, чеками и прямыми ассигновками, вместо чеков - «безденежные оборотные перечисления». 16.8.1920 была отменена плата

за перевозку грузов по железным дорогам, Декрет СНК от 23.12.1920 отменил оплату топлива для госпредприятий и госучреждений.

Однако экономика немедленно пришла в упадок. С октября 1917 г. по июнь 1921 г. денежная масса возросла в 120 раз, розничные цены — почти в 8000 раз. По сравнению с довоенным 1913 г. цены увеличились почти в 81 тыс. раз [13]. Предприятия останавливались.

Пролетариат, полагал Ленин, перестает быть пролетариатом (наемным), если берет в собственность основные средства производства.

Однако рабочий класс в силу старого общественного разделения труда не перестает быть рабочим классом по содержанию своего труда, в котором доминирует труд абстрактный. Этим рабочий отличается от других слоев наемных работников.

Абстрактное содержание труда рабочего неминуемо вернет наемный характер труда после юридического присвоения рабочему классу прав собственности на средства производства. С другой стороны, поскольку сфера производства определяет сферу обмена, абстрактный труд рабочего делает необходимым рыночные отношения. Именно поэтому в СССР существовали товарно-денежные отношения. Продукт труда сбрасывает с себя товарную форму лишь *после* преодоления различия между физическим и умственным трудом.

Поняв ошибку Маркса на практике, Ленин в 1921 году ввел Новую экономическую политику (НЭП). Это не было временной уступкой, как ныне представляют идеологи компартий. По Ленину НЭП была рассчитана на десятилетия. Сталин начал сворачивание НЭП уже в 1927 году и в 1932 году ликвидировал стандартные рыночные отношения, что привело к торможению развития производства, выразившемуся в хроническом существенном отставании производительности труда в СССР в сравнении с развитыми странами.

Угнетение трудом

Для анализа процесса труда Гегель вводит два понятия опредмечивания и распредмечивания.

Опредмечивание — это воплощение в продукте труда образа этого продукта в голове рабочего. Распредмечивание — это обратное влияние создаваемого продукта, процесса производства на мозг рабочего. Если рабочий десять лет подряд, грубо говоря, производит одну и ту же одинаковую гайку, в его сознании образуется стереотип, подобный данной не уникальной, то есть, абстрактной гайке. Так и возникает абстрактный «средний», «одинаковый» рабочий, в процессе обезличивающего (по выражению Маркса) труда.

Точно так же, как абстрактное содержание труда генерирует его абстрактность в сфере обмена, оно, в силу общественного разделения труда, обуславливает еще одну сторону труда — его наемный характер.

Лев Толстой полагал, что можно улучшить ситуацию, занявшись самоусовершенствованием. После смены. Перестать потреблять мясо и т.п. В различных формах то же самое исповедуют практика йоги, американская идеология с тезисом «измени себя» и пр.

Ильенков также вполне идеалистически полагал, что существующие в СССР проблемы решит система воспитания [14]. Ильенков создал школу воспитания, в которой применил узко-конкретно применил диалектико-материалистический метод, один из его слепо-глухонемых воспитанников даже стал доктором наук — однако это лишь частное, вторичное направление.

В жизни рабочего определяющим является не сфера воспитания, а время в период рабочей смены. В процессе его труда не требуются ни философия, ни политэкономия. Забуренные, они не оставляют следа, выветрятся из сознания под шум токарного станка. Единственные знания, которые ему пригодятся — это знания, как с наибольшей выгодой продать свою рабочую силу. Если даже формально средства производства будут в руках рабочего класса, он — в силу абстрактного содержания труда — передоверит управление (распоряжение, планирование) узкому социальному слою (капиталисту или генеральному директору с билетом КПСС в кармане, а тот, в свою очередь — министру). Угнетение, таким образом, состоит не только в том, что рабочий получает меньше, чем ему кажется справедливым. Угнетает сам труд, который продуцирует угнетение в форме подчинения — вследствие узурпации управления узким социальным слоем. Следовательно, выход из положения заключается в чем-то ином.

«Воздействуя... на внешнюю природу, - пишет Маркс, - и изменяя ее, он (человек, Б. И.) в то же время изменяет свою собственную природу» [15].

Речь идет – в противоположность сокращению общественно необходимого рабочего времени до «исчезающе малой величины» – **преобразованию самого общественно необходимого времени в труд творческий**, в котором доминирует конкретное содержание. **Требование этого преобразования должно вырваться на уровне всеобщего**, а не только в качестве забастовок против конвейерного обезличивания, напр., в США в конце 60-х или в Куйбышеве в 70-х. Тормозит этот процесс становления науки как производительной силы новая форма противоречия между трудом и капиталом - противоречие между ростом конкретного содержания в труде (усложнением производства в его элементарной ячейке и ростом многообразия хозяйственных связей) и частной формой управления. Это тривиально так же, как и то, что разрешением этого противоречия является экспроприация функций управления у правящего класса.

Литература

1. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., АН СССР, 1960. 286 с.
2. Ихлов Б. Л. Почему КПСС и КППФ – антикоммунистические буржуазные партии. Пермь, 2012. ISBN 978-5-905465-04-8.
3. Маркс, Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, с. 116, 279.
4. Библер В. С. Мышление как творчество. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1975. 400 с.
5. Ихлов Б. Л. «Класс и партия», «Вибір», Киев, №1-2, 1996.
6. Ихлов Б. Л. О диалектике отношения «класс – партия».
7. Орлов В. В. Труд и социальный прогресс. Тезисы конференции «Труд и социальный прогресс», Пермь, апрель 1989. С. 3-7.
8. Глинчикова А. Г. Может ли быть товаром интеллект и продукт его труда? Вопросы философии. 1997. №3.
9. Манифест коммунистической партии. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 434.
10. К. Маркс. Критика Готской программы. Соч., Т. 19. С. 13.
11. Ленин. ПСС, 5 изд. Т. 34 С. 98-100.
12. Цит. по Далин С. А. Инфляции в эпохи социальных революций. М., 1983 С. 187.
13. Борисов С. М. Рубль - валюта России. М., 2004 С. 49.
14. Ильенков Э. В. Философия и культура. М., Изд-во полит. лит-ры, 1991. 464 с.
15. Маркс, Энгельс, Соч., Т. 23. С. 188.